

В НАЧАЛЕ

В памяти ОНО сохранилось удивление и ощущение падения, но только и всего. Потом ОНО просто ожидало.

Времени на ожидание ушло очень много, но ОНО ждало легко, так как никакой памяти не было и верещать еще было некому. Вот ОНО и не понимало, что ожидает. Тогда ОНО вообще ничего не понимало. ОНО существовало без всякой возможности отмерять время, без всякой возможности хотя бы иметь понятие о времени.

И ОНО ожидало и наблюдало. Поначалу особо и смотреть было не на что: огонь, скалы, вода, — но постепенно закопошились какие-то мелкие твари, которые стали меняться и немного погодя обратились в тварей побольше. Делать они мало что делали, знай себе ели друг друга да размножались. Сравнить, однако, было не с чем, а пока и этого хватало.

Время шло. ОНО наблюдало, как большие и мелкие твари бесцельно убивали и поедали друг друга. Наблюдать за этим, вообще-то, не было никакой радости, но больше заняться было нечем,

а тварей разных становилось все больше. Только ОНО, похоже, не было способно ни на что иное, как наблюдать. И вот ОНО стало задаваться вопросом: «А зачем я смотрю на это?»

Никакого сущего смысла во всем происходившем ОНО не видело, но поделаться ничем не могло, а потому продолжало наблюдать. Мысль эту ОНО прокручивало очень долго, только ни к каким выводам не пришло. Не было по-прежнему никакой возможности эту мысль обдумать: целостное понятие смысла и цели тогда, считай, еще не совсем приспело. Никого кругом, кроме ОНО и их.

Их поднабралось полно и становилось все больше: деловито убивали, поедали и совокуплялись. Только ОНО всего одно было и ничего такого не делало, вот и стало ОНО задаваться еще и вопросом: а почему это так? Почему ОНО другое? Почему ОНО так не похоже на все остальное? Что есть ОНО, и если ОНО на самом деле чем-то было, то не должно ли ОНО тоже что-то делать?

Прошло еще время. Бессчетные копошащиеся, меняющиеся твари понемногу становились больше и все ловчее убивали себе подобных. Поначалу было интересно, но только из-за неуловимых отличий. Они ковыляли, прыгали, ползком извивались, чтобы убить один другого, были и такие, что по воздуху летали за поживой. Очень интересно, только что с того?

От всего этого ОНО стало чувствовать себя неловко. В чем был смысл? Не суждено ли, чтобы и ОНО было частью того, за чем наблюдало?

ОНО набралось решимости отыскать причину, зачем ОНО тут, какой бы та ни была. Теперь уже, изучая тварей крупных и мелких, ОНО выявляло, чем именно ОНО отличалось от них. Всем другим необходимо было есть и пить, иначе они погибали. И даже если они ели-пили, то в конце концов все равно умирали. ОНО не умирало. ОНО просто существовало. Не было у НЕГО нужды ни есть, ни пить. Постепенно, однако, пришло к ОНО осознание, что ЕМУ нужно что-то... но что? Чувствовало ОНО: сидит где-то потребность, и эта потребность росла, только ОНО не могло выразить, в чем она. Так просто, ощущение, что чего-то не хватает.

Парадом проходили века чешичек и яйцекладок, однако ответов никаких не нашлось. Убивай и ешь, убивай и ешь. В чем тут смысл? Зачем ОНО должно наблюдать за всем этим, если само не в силах ничего с этим поделать? От такой галиматии ОНО даже стала легкая горечь одолевать.

Потом вдруг однажды явилась совсем новая мысль: «А откуда Я взялось?»

ОНО давным-давно сообразило: яйца, из которых другие вылупляются, они от совокупления. ОНО, однако, не из яйца вышло. Вовсе ничто не совокуплялось, дабы даровать ОНО существование. Когда ОНО впервые осознало себя, и совокупляться-то было нечему. ОНО явилось сюда первым и, судя по всему, навсегда, если не считать смутного и тревожного воспоминания о падении. Зато все остальное вылуплялось либо рождалось. А ОНО

нет. И от этой мысли стена между ОНО и ими, похоже, взметнулась намного выше, на невероятную высоту вытянулась, отделяя ОНО от них полностью и навечно. ОНО было одиноко, совершенно одиноко навсегда, и от этого делалось больно. ОНО хотело стать частью чего-нибудь. ОНО было одно-единственное. Разве не должно ОНО иметь возможность совокупляться и производить еще таких же?

И стало это, похоже, куда важнее, нежели мысль: «ЕЩЕ ОНО». Все остальные производили еще и еще. ОНО тоже хотело произвести еще.

Наблюдения за взбалмошной, буйной жизнью безмозглых тварей приносили страдание. Огорчение росло, обращалось в гнев, а гнев оборачивался яростью к глупым, ненужным тварям и их бесконечному, глупому, оскорбительному существованию. Ярость росла и травила душу, пока не настал день, когда терпеть дольше ОНО не могло. Не дав себе времени подумать, что делает, ОНО взмыло и набросилось на одну из ящериц, желая так или иначе сокрушить ее. И произошло нечто чудесное.

ОНО оказалось внутри ящерицы.

Видело и чувствовало то, что видела и чувствовала ящерица. О ярости ОНО надолго и думать забыло.

Ящерица, по-видимому, и не заметила, что у нее пассажир появился. Занималась своим делом: убивала да совокуплялась, — а ОНО каталось. Было очень интересно пребывать на борту, когда

ящерица убивала какую-нибудь мелкую тварь. Для эксперимента ОНО переместилось в одну из мелких. Пребывать в той, кто убивала, было гораздо забавнее, однако этого не хватало, чтобы навести на какие-либо настоящие содержательные мысли. Пребывать в той, кого загубили, было очень интересно, это навело на кое-какие мысли, вот только не очень радостные.

Какое-то время эти новации в бытии ОНО радовали. Пусть прочувствовать простенькие эмоции тварей ОНО было не по силам, они и сами, однако, никогда не выбивались за рамки путаницы. Твари по-прежнему не замечали ОНО, понятия не имели никакого... ну, попросту не было у них никаких понятий.

Похоже, не способны они были иметь хоть какое-то понятие. До того были ограниченны... и все же они были живыми. У них была жизнь, но они того не ведали, не знали, что с ней делать. Это не вязалось со справедливостью. И вскоре ОНО вновь заскучало, опять стало все больше и больше раздражаться.

И наконец пришло время, когда стали попадаться твари-обезьяны. Поначалу они, казалось бы, не очень-то нравились. Маленькие, трусливые и крикливые. Впрочем, на одно крохотное отличие ОНО в конце концов обратило внимание: у тварей имелись руки, что позволяло им вытворять удивительные штуки. ОНО видело, как сами твари осознали, что стали рукастыми, как принялись

пускать руки в ход. Пользовались они ими для громадного разнообразия новшеств: мастурбировали, увечили один другого, отбирали еду у соплеменников, что поменьше.

ОНО было в восторге и наблюдало пристальнее. ОНО смотрело, как они били один другого, а потом убегали и прятались. ОНО смотрело, как они воровали друг у друга, но только когда никто не видел. ОНО смотрело, как они вытворяли друг с другом ужасные вещи, а потом делали вид, будто ничего и не было. И пока ОНО наблюдало, произошло нечто чудесное: ОНО рассмеялось.

А когда ОНО рассмеялось, родилась мысль, обретая в ауре ликования все большую четкость. ОНО подумало: если так, то и мне дело найдется.

ГЛАВА 1

Да разве это луна? Где та яркая луна, сияющая острой, режущей радостью? Нет ее. О, эта манит, скулит и блестит, дешевка, канавное подобие той, какой ей следовало быть, и нет в ней никакой остроты. Нет у этой луны ветра в парусах, чтобы нести хищников сквозь сладость ночного неба к восторгу резать и кромсать. Вон она, эта луна: перемигивается застенчиво сквозь безупречно чистое окно с женщиной, присевшей на краешек дивана и бодро-весело щебечущей про цветы, канале и Париж.

Париж?

Ну да, далеко растекающимся густым, как сироп, голосом с луноликой серьезностью женщина щебечет о Париже. Все талдычит про Париж. Опять.

Так что же это за луна! С ее-то едва не бездыханной улыбкой да ухмылкой из кружев по краям? Позвякивает слабенько в окно, но никак не может проникнуть внутрь сквозь сплошное до одури приторное щебетанье. И какому же Темному

Рыцарю было бы по силам высидеть там, в другом углу комнаты, где сидит сейчас Декстер Ошеломленный, притворяется, что слушает, а сам исподлобья луну разглядывает?

Эта луна, должно быть, свадебным медом мазана: разворачивает свое брачное знамя в гостиной и в ночи, призывает всех собраться вокруг него, дает сигнал — в атаку, еще один — в церковь, дорогие друзья, потому что Декстер Убийственные Ямочки сочетается браком. Сцеплен с вагоном блаженства, что тянет за собой прелестная Рита, которую, как выяснилось, всю жизнь одолевала страсть увидеть Париж.

Женат, медовый месяц в Париже... Неужели этим словам и в самом деле место в одном предложении с любым другим намеком на нашего Призрака-Потрошителя?

Вправду ли видим мы вдруг протрезвевшего и глупо улыбающегося головореза у алтаря в действующей церкви, в галстук и фраке а-ля Фред Астер, надевающего кольцо на затянутый в белое пальчик под сморкание и лучезарные улыбки всей собравшейся паствы? А потом и Демона Декстера в мадрасских шортах до колен, глазющего на Эйфелеву башню и смакующего *café au lait*¹ возле Триумфальной арки? Держащегося за руки и до головокружения раскатывающего по Сене, тупо плящегося на всякую безвкусную безделушку в Лувре?

¹ Кофе с молоком (фр.). — Здесь и далее примеч. ред.

Конечно, полагаю, лучше бы мне было устроить паломничество на улицу Морг, это святилище для серийных головорезов.

Однако давайте на миг станем капельку серьезнее: Декстер в Париже? Вопрос тем, кто на старте: «Американцам все еще позволяют ездить во Францию?» И тем, кто финиширует: «Декстер в Париже? На *медовый месяц*?» Как может Декстер, человек полночного толка, даже подумать о такой обыденщине? Как может человек, считающий, что секс так же интересен, как и бухгалтерский учет, вступить в брак? Короче, как перед лицом всего, что есть нечестивого, темного и убийственного, может Декстер и впрямь собираться проделать такое?

Вопросы замечательные и очень здравые. И если честно, не так-то легко на них ответить даже самому себе. Однако вот он я: выношу китайскую пытку водой, выслушивая щебетания ожидающей чудес Риты, и гадаю, как Декстеру удастся вытерпеть такое.

Ладно. Декстер такое вытерпит, потому что должен сохранить и даже подновить необходимую для него мимирию, которая не позволяет миру увидеть его таким, какой он есть на самом деле. В противном случае кто согласился бы сесть с ним за один стол в сумерках, в особенности когда еще и столовое серебро имеется. Вполне естественно, нужно хорошо и упорно поработать, чтобы убедиться: не до всех еще дошло, что Декстером правит его Темный Пассажир, шелковый голос, шеп-

чуший с затененного заднего сиденья. Однако время от времени он забирается на переднее сиденье, чтобы сесть за руль и отвезти нас в Парк Немыслимого. Нельзя давать овцам понять, что Декстер — это волк среди них.

Так что взялись мы, Пассажир и я, за работу, весьма тяжелый труд при нашей-то маскировке. За последние несколько лет нам удалось создать Декстера Ухажера. По замыслу, он представляет миру бодрое, а превыше всего нормальное лицо. В этом чарующем проекте Рита значитесь как Подруга, и это с многих точек зрения идеальное решение, учитывая, что секс Рите так же неинтересен, как и мне, зато в качестве сопровождения ей нужен Понимающий Джентльмен. А Декстер понимает по-настоящему. Не людей, романтику, любовь и всякое такое бла-бла-бла. Нет. Декстер понимает, что есть смертельно скалящаяся итоговая черта, он знает, как отыскать в Майами из множества кандидатов наиболее достойного на эти последние темные выборы в скромный Зал Славы Декстера.

Тут абсолютной гарантии, что Декстер — прелестный попутчик, нет. Прелесть дается годами практики и является искусственным продуктом упорного и мастерского труда в лаборатории. Но бедная Рита — ей крепко досталось в ужасно несчастливом и буйном первом браке, — похоже, так и не в силах отличить маргарин от сливочного масла.

Прекрасно. Два года Декстер с Ритой не жились и блистали в майамском обществе, были повсюду замечаемы и всеми обожаемы. Потом, однако, после целой серии событий, способных настроить просвещенного наблюдателя на скептическую волну, Декстер с Ритой как-то нечаянно оказались помолвлены. И чем больше я раздумываю, как самому выпутаться из такой смехотворной ситуации, тем больше сознаю: то был логичный следующий шаг в доработке моей маскировки. Женатый Декстер-некто-Декстер с двумя готовенькими детками! Уж он точно ничуть не похож на того Декстера, которым является на самом деле. Квантовый скачок вперед сквозь пространство-время на новый уровень человеческой микрии.

И потом, есть еще и двое детей.

Может показаться странным, что человеку, чья единственная страсть — человеческая расчлененка, могли и вправду нравиться дети Риты, но ему они нравятся. Мне нравятся. Заметьте, слезы никак не увлажняют мои глаза при мысли о выпавшем зубике, потому как для этого необходима способность ощущать эмоции, а я вполне счастлив и без любой такой переменной. В целом же, однако, дети мне куда более интересны, нежели их родители, а особенно меня раздражают те, кто чинят им вред. Сказать по правде, изредка я таких выслеживаю. А когда нападаю на след этих хищников, когда полностью уверен, что они на самом деле натворили то, что давно творят, я все

делаю, чтобы они напрочь утратили способность творить такое, — притом очень радостной рукой, без оглядки на совесть.

Итак, тот факт, что у Риты после плачевного первого брака имелось двое детей, отнюдь не был отталкивающим, особенно после того, как стало ясно: детям нужен особый отеческий подход Декстера, чтобы держать в прочной узде собственных Темных Пассажиров, надежно пристегнуть их к безопасному, уютному заднему сиденью и не отстегивать до той поры, пока сами не научатся машину водить. Ведь если поразмыслить, то как раз эмоциональный и даже физический ущерб, причиненный Коди с Астор их насквозь пропитанным наркотиками биологическим отцом, и толкнул их на Темную Сторону, как и меня. А теперь они должны были стать моими детьми как по закону, так и по духу. Этого почти хватало, чтобы во мне возникло ощущение: в жизни, в конце концов, есть некая влекущая цель.

Так что у Декстера появилось несколько отличных поводов вынести это... но Париж? Я не понимаю, откуда пошла мода представлять Париж чем-то романтическим. Помимо французов, кто-нибудь, кроме Лоуренса Уэлка, когда-нибудь считал, что аккордеон — это сексуально? И разве не ясно стало теперь, что мы им там не нравимся? И что они ничего лучше не придумали, как упрямо говорить по-французски?

Видно, Рите мозги промыло какое-то старое кино, что-нибудь с задорной оторвой-блондинкой

и тихим красавцем-брюнетом, где под современную музыку они гоняются друг за другом вокруг Эйфелевой башни и смеются над старомодной неприязнью неопрятного, курящего «Голуаз» мужика в берете. Или, может, послушала она разок песни Жака Бреля и решила, что те созвучны ее душе. Кто знает? Так или иначе, но в капкане мозга Риты накрепко засело представление: Париж есть столица изысканной романтики, — и нечего было даже пробовать извлечь его оттуда без серьезной хирургической операции.

Итак, после бесконечных споров по поводу, что лучше: цыпленок или рыба, а также вино заказать или бокал у бара выпить, — настал черед одержимо бредовых монологов про Париж. Наверняка мы можем целую неделю себе позволить, тогда хватило бы времени осмотреть сад Тюильри и Лувр, а еще увидеть что-нибудь из Мольера в «Комеди Франсез». Я принужден аплодировать глубине ее постижений. Что до меня самого, то мой интерес к Парижу давно улетучился, как только мне стало известно, что он во Франции.

Нам повезло: от необходимости изыскать корректный способ поведать Рите обо всем этом меня спасло неуловимое явление Коди с Астор. Они не вломились в комнату с мечущими огонь ружьями наперевес, что свойственно большинству детишек от семи до десяти лет. Как я уже говорил, их дорогой биологический папочка нанес им нечто вроде ущерба, одно из последствий которого состоит

в том, что их приход-уход никоим образом заметить нельзя: они являлись в помещение методом диффузии. Еще миг назад их нигде не видно, а через мгновение они уже тихонько стоят рядом в ожидании, когда их заметят.

— Мы играть хотим, банку попинать, — заявила Астор.

Представителем этой пары была она, Коди же за целый день ни разу четырех слов кряду не выдавал. Он не был глуп, совсем нет. Просто предпочитал бóльшую часть времени не болтать. В данный момент он просто глянул на меня и кивнул.

— О! — вырвалось у Риты, образовав паузу в ее соображениях о земле Руссо, Кандида и Джерри Льюиса. — Что ж, тогда, может, вам...

— Мы хотим банку попинать с *Декстером*, — сообщила Астор, и Коди весьма энергично кивнул.

Рита нахмурилась:

— Полагаю, об этом следовало бы поговорить раньше, но не кажется ли тебе, что Коди с Астор... не следовало бы им, я имею в виду, начать называть тебя как-то иначе... ну... я не знаю... Но просто Декстер? Это смахивает на некое...

— А что, если мон папир? — предложил я. — Или мсье граф?

— А что, если такое не по мне? — пробурчала Астор.

— Просто, по-моему... — начала Рита.

— Декстер вполне годится, — встрял я. — Они к этому привыкли.

— Как-то не кажется уважительным, — возразила Рита.

Я опустил взгляд на Астор и попросил:

— Покажи своей маме, как у тебя получается уважительно произносить «Декстер».

Та закатила глаза и протянула:

— Пж-ааааалста.

— Видишь? — с улыбкой обратился я к Рите. — Ей десять лет. Она *что хочешь* не в силах выговорить уважительно.

— Ну да, и все же... — гнула свое Рита.

— С этим все о'кей. С ними все о'кей, — сказал я. — А вот Париж...

— Айда на улицу, — произнес Коди, и я удивленно глянул на него.

Целых шесть слогов. Для него это было практически речью.

— Хорошо, — вздохнула Рита. — Если ты и в самом деле думаешь...

— Я почти никогда не думаю, — заметил я. — Это мешает умственному процессу.

— Тут смысла нет никакого, — сказала Астор.

— А тут смысл и ненадобен. Это правда, — парировал я.

Коди покачал головой. «Пни жестянку», — буркнул он. И вместо того, чтобы подивиться на прорезавшийся у него зуб разговорчивости, я просто пошел вслед за мальчиком во двор.